

Колхозный пастух

(Рассказ)

Ветла отцвела. Еще не так давно ее раскисшие ветви приминали к себе пчелиные рои, и исходил от нее ровный несомкнутый гул: словно не пчелы гудели, а сама ветла пела весеннюю песню.

Сейчас уже нет на ней ни одной пчелки, она не гудит и не источает аромата, обвисла, словно потяжелевшие ветви. Да и не только ветла сбросила свой весенний ивотный наряд. Под увалом, плотно заросшим кустами, уже не желто, как месяц назад, от цветущей акации. Только шаловник еще кое-где красуется в алых пачочках.

Июль. Лета макушка. Благодатная пора. «Богата ваша природа, — размышляет Егор Думов, сидя на пряске, под ветлой. — Много природа дает, умей человек брать...»

Егор Думов еще раз оглядел знакомую окрестность: подной грудью вдыхнул утренний свежий воздух. Он только что провонял на дуга колхозное стадо и возвращался в деревню. Сегодня вместо него поспешит сынишка Володька, а Егор остался дома, чтобы присутствовать на собрании.

Да, богата природа, а мы — чего греха таить — не всегда берем даже то, что нам дается...

Думов вспоминает прошлую осень, свои споры с бригадами насчет отавы. При этом его здоровое загоревшее лицо из благодушного, философски-задумчивого сразу становится злым, решительным. Голубые глаза, спрятанные будто от жары, под выцветшими, желтыми, как солома, бровями, вдруг становятся колючими. «Нет, нынче так не будет! Нынче я им все выкладки выложу... Пойду сейчас к Николаю Григорьевичу и все по порядку обложу ему... На своем поставлю — или я не колхозный пастух Егор Думов!»

Этот оборот речи — «или я не Егор Думов» — он привез с фронта. Там гово-

рил командир отделения разведки Саша Курочкин. Отчаянный был парень, но пчелы и мушкетеры... Исконно же разведчик! Все достанем и разложим — или я не Александр Курочкин!» — так говорил отделившийся, отправляясь со своими боевыми друзьями на задание.

Егор вернулся в колхоз бравым солдатом с широкой, будто еще более раздвинувшейся грудью, расцвеченной пятью боевыми медалями. Однако он попрежнему оставался молчаливым и скромничкой.

Зиму Егор проработал на овцеферме, но попрежнему тянуло его к стаду. Наступила весна. Как-то раз он пришел в контору и спросил:

— Почему коров не выгоняют?

— Подбираем пастуха, — ответил Мелешкин, председатель. — Не можем найти: молодежь неопытна в этих делах, женщины тоже как-то не с руки... Хотели Петра Косова, да — куда там! — все лоярки восприняли: не нужен, говорят, на него надежда, как на снег весенний. Тут кадобно мужнину с толком да с любовью к делу.

«Знаем, куда канья бешь», — подумал Егор, однако ничего не сказал. Домой он пришел веселый, посветлевший. Сразу пошел на чердак, снял оттуда туго скрученные в жгуты горсти светлой, матово-серебристой конопли, давно, еще до войны припасенной для бичей. Бичи он плел мастерами, они джижили у него по несколько сезонов, а хлопали, как ружейный выстрел, очаровывая сельскую ребятню.

Сплета я толстые конопляные пряди в тугой жгут, Егор думал о предстоящей работе, оправывая в душе свое решение.

Он любит золотое, зарисованное время, когда пригоняет с выпасов стадо; каждая корова несет тяжело, наполненное молоком вымя, а навстречу табуны встают в

белых халатах, улыбающиеся, веселые джорки. И кажется Егору, немного уставшему, но бодрому, что это он собрал на дугах молочное богатство и одаривает им людей.

А назавтра его снова ждут просторы лугов, солнышко, пахучие ветры...

Егор выкурил папироску, встал и зашагал к селу. Он решил сейчас же, не откладывая дела, зайти к Николаю Григорьевичу, зоотехнику: начиналась зной, надо посоветоваться насчет мер против овода, кроме того, поговорить о ночных выпасах, а главное — об отаве: пусть Волин этот вопрос на собрании поднимет.

Думов открыл ворота садика, где под пологом обычно спал Волин.

— Сюда, Егор Петрович, заходите, Коля завтракает! — крикнула в раскрытое окно жена Волина.

«Ранняя птаха», — с улыбкой подумал Егор о Волине.

Волин был молот. Его непослушные густые волосы с прямым пробором на голове напоминали тугие земляные пласты, распавшиеся враски. Черные глаза, всегда живые, светящиеся беспокойным задором, умели внимательно и чутко смотреть на собеседника. Совсем еще недавно Коля Волин возглавлял комсомольскую организацию колхоза, а прошлой осенью коммунисты избрали его своим секретарем. Непослушная энергия исходила от Волина, от его движений, от жестов при разговоре. Работая зоотехником, он успевал в течение дня бывать на многих участках колхозного производства.

Егор рассказал Волину все свои думки и обиды, рассказал как хорошему другу и о отаве, и о ночных выпасах, и о многом другом.

Дружба их началась года три назад, началась по-деловому. Как-то раз зоотехник дел Думову маленькую книжку о травах. Что же, для пастуха это полезно знать. Прочитал. Захотелось узнать больше. Потом все чаще просил новую книжку, завел разговор о травах, о животных, о молоке...

Зная дуга, как свои пять пальцев, Ду-

мов с помощью зоотехника разбил их на пастбищные клетки по составу трав. Он раздробил пшчу для коров, гоня их то на одну, то на другую клетку. «На научную почву поставлю я летний выпас! Свое слово перед народом сдержу!»

Книги стали для Егора чем-то вроде путешествий звезд, по которым, бывало, на фронте он находил свой маршрут.

— А отава — вопрос серьезный, Егор Петрович, хоть и не новый, — говорил Волин, закурив после завтрака. — Обычно я в деревне на дело использую, а у нас действительно бесхозяйственность получается. Безусловно, надо решить: или косить, или пасти скот на ней... Вы продумайте хорошенько этот вопрос и выступите сегодня на собрании.

— На собрании? — испуганно переспросил Егор. — Да как же это. Нет уж, увольте, Николай Григорьевич... Я плохой выступальщик...

Егор говорил правду. Будучи на собраниях, он выматывал выслушав все речи, однако сам не выступал никогда. Если возникали какие мысли, предложения, он думал: «Кто-нибудь и без меня про это скажет». Чаще всего так и выходило — его мысли высказывал другой. «Вот и порядком», — разозлится Егор. И вдруг теперь шартгор просит его выступить... Но Егору стыдно было сразу наотрез отказаться от выступления, и он неопределенно педил сквозь зубы:

— Оно, конечно, надо бы, да язык-то у меня неповоротлив, к тому же и робость берет...

— Ничего, Егор Петрович, приходите.

Председатель правления Мелешкин долго говорил о важности сеноуборочной кампании, призвал колхозников выполнить план заготовки кормов в короткий срок. Сосредоточенно слушали председатель трактористы, косцы, метчики, сребляльщики. Впереди всех важно восседали мальчишки-коновозы...

Выступали бригадиры, выкладывали планы организации работ, давали обязательства от своих бригад. Многие беспо-

койла одна мысль — хватит ли трав, чтобы вдоволь заготовить кормов. Говорили о том, что надо похозяйски использовать все дуга, находить дополнительные резервы.

Егор нетерпеливо ерзал на сиденье, поправляя на груди медали. Волин из президиума подбадривающе кивал ему головой, улыбаясь.

— Разрешите мне! — Думову показалось, что он произнес это слишком громко, резко, потому что лица всех сразу повернулись к нему. Председатель не успел сказать «пожалуйста» (а может и сказал, да Думов не слышал), как он шел уже к президиуму на сцену, шел крупными шагами, словно торопился от боязни, что его не выслушают.

— В прошлом году осенью сколько у меня было ругани с бригадирами? — Так начал Егор свою первую речь. — Сами видели и знаете — выпасы были все выбиты, на них — хоть шаром покати — травы не осталось. Прощу бригадиров — разрешите пасти на отаве, ведь косят ее все равно незлая — маза. Где там — не смеи! Не разрешают, говорят: стога скот обобьет, развалит, разстрясет, на рогах рвется. Отродите стога — говорю. Смеются только: «Много надо сил, чтобы огордить, а тут хлебуборочная». Теперь я задаю вопрос: как же нынче будет? Неужели по старому: отаве пропалать, а скот на истощанных выпасах пасти? До каких же пор терпеть эту бесхозяйственность?

Егор умоил, вопросительно взглянул на Мелешкина, на Николая Григорьевича, на весь зал.

— Что же вы предлагаете? — прервал тишину Мелешкин.

— Много есть выходов, товарищ Мелешкин... — Думов собрался с мыслями. Его глаза встретились с глазами жены, веселыми, подбадривающими: «Крой, Егорушка! По справедливости! За своих коровшек замовишь слово!» — так послал Егор взгляд Авдотьи.

В зале заговорили.

— Огораживать стога — вот и выход!

— Отаву косить!

— Да, если отава рослая, надо ее ко-

сить, — уснокоенно с возросшей уверенностью продолжал Думов. — Если маза — пасти на ней скот. Не надо метать такие сиротские стога, какие у нас метут, — десять, пятнадцать, много тридцать центнеров... Торчат эти стога на каждом месте, к ним не дотронется и около них не разгуляется... В сто пятьдесят — двести центнеров — вот какие надо строить зароды... На такой зарод и посмотреть будет люб: сразу скажешь — вот это колхозный размах. И огордить можно с меньшим трудом.

Раскисневшийся, но уже с улегшимся волнением, Егор прошел на свое место, и тотчас на смену ему на трибуну вышел Волин.

— То, что предлагает Егор Петрович, очень важно, товарищи. Я думаю, мы так и решим: метать стога не меньше, как по сто пятьдесят центнеров. Чего мы этим достигнем? Во-первых, меньше будет потерь сена. Во-вторых, мы такие стога можем огордить. И, наконец, их будет удобнее возвозить к фермам тракторами...

— Придется перестроить нам и организацию труда, — продолжал Николай Григорьевич, — увеличить число колновозов. А еще лучше — возить к стогу сено не конями, а волокушами. Рабочая сила особоится. Бригадирам надо сегодня же продумать планы работы с учетом предложения Егора Петровича. И пользуюсь случаем еще раз напомнить товарищу из МТС: скорее давайте нам стогометы! Вы видите, как много будет зависеть от этого!

Волин сел. Он был доволен выступлением Егора Думова. Огонек творческого подхода к любому делу, который так ярко горел в нем самом, Волин старался разжечь в других.

Уходил Егор с собрания удовлетворенный. Он знал, что нынче не будет пропадать отава, в дело ее употребит колхоз.

А блестящие серебряные медали на его груди при каждом движении, казались, вызвали: «Знай наших!».

Иван ШУМИЛОВ.